

Глава 6

НА ПЕРЕЛОМЕ

июнь – июль 1943 г.

В район Бобруйска прибывали разбитые на фронтах немецкие и итальянские части. Вокруг города и крупных деревень и посёлков началось строительство линий обороны. Вдоль Березины появились окопы, доты и дзоты круговой обороны. На стратегически важных направлениях – интенсивное передвижение техники и колонн противника.

«Враг готовится к длительной обороне города и к уличным боям», – докладывали отряды в штаб партизанского соединения, а оттуда – за линию фронта.

Оккупанты, почувствовав близкую гибель, стали в ещё больших размерах грабить население, вывозить ценности из городов и деревень, производить массовые облавы на жителей, особенно на молодежь, и угонять их в фашистскую неволю.

Успехи Красной Армии на фронтах заставили одуматься многих из тех, кто помогал оккупантам – всё чаще полицейские гарнизоны сами уничтожали оккупантов и переходили на сторону партизан.

МОЛОДОЙ, ДА РАННИЙ

В июне 1943 года у комбрига Коновалова открылись старые раны, и его самолетом отправили в Москву.¹

На должность комбрига командование Минского партизанского соединения предложило *Алексея Львова*. Бывший политрук роты, Львов за два года войны успел побывать в ипта-

---

¹ После излечения, с мая 1944 г. и до конца войны, подполковник П.М. Коновалов будет заместителем командира танковой бригады.

сях командира отдельной группы, комиссара партизанского отряда и комиссара соседней бригады.

Присутствовавших на совещании командиров и комиссаров смутил слишком молодой возраст нового комбрига – только 25 лет! Выглядел ещё молодой. А предстояло ему командовать пятью отрядами общей численностью более тысячи человек.

Александр Адамович так описывал Львова той поры:

«Белоголовый и белолицый, подвижный, как школьник. И подчеркнуто не улыбочивый. Заметно, что не рад своей живости, юношеской чистоте лица: еще бы, командиры его вон какие папаша и, наверно, привыкли к бороде трезнего комбрига».

«Расскажите о себе!»

В 25 лет было о чём рассказать Алексею Львову. Особенно о последних двух годах.

Родился 17 марта 1918 года в деревне Тимошино, что в Архангельской области, в семье крестьянина. Трудовую жизнь начал с 14 лет – пять лет работал токарем в Архангельске. В октябре 1938 призван в Красную Армию. Окончил полковую школу и стал заместителем политрука. В сентябре 1939 участвовал в освобождении Западной Белоруссии. Затем четыре месяца на Финской войне; ранен, награжден медалью «За отвагу», и о нём тогда в газете написали.

Один год учёбы в военно-политическом училище в г. Иванове, и в мае 1941 Алексей – младший политрук пулемётной роты под Гродно. Через месяц, в июне 1941 – политрук роты.

А ещё через неделю – война.

В первый день войны часть получила приказ идти к Гродно, и по пути следования она неоднократно подвергалась интенсивным бомбардировкам немецкой авиации.

В дороге Алексей тяжело заболел воспалением легких и был направлен в эвакогоспиталь в Минск.

Но Минск был уже взят врагом. Пошли на восток.

По пути к группе раненых присоединились два человека в форме лейтенантов Красной Армии, которым, якобы, поручено собрать отходящие разрозненные группы красноармейцев и сформировать воинскую часть. Алексей заметил: «лейтенанты» плохо говорили по-русски и вели себя странным образом.

«Да это же немецкие диверсанты!» Вместе с товарищем, офицером-интендантом, расстрелял диверсантов. Под гимнастерками у «лейтенантов» оказалась немецкая военная форма, в карманах – немецкие документы и немецкие пистолеты.

Окончательно ослабевший, Алексей попросился на отдых у одного из жителей деревни, что под Уздой.

Вскоре послышалась стрельба: это красноармейцы расстреляли из засады двух мотоциклистов из разведки наступавшей немецкой части.

Через час немецкая часть вошла в деревню, и начались расстрелы застигнутых красноармейцев.

Хозяин быстро переодел Алексея в штатское и уложил в постель, спрятал его военную форму и оружие и вошедшим немцам заявил, что это – его сын, больной тифом. Немцы тут же покинули дом, даже не проверив документы.

Когда состояние здоровья улучшилось, Алексей попросил хозяина сохранить документы и в гражданской одежде пошёл на восток в направлении Бобруйска.

Встретил воинскую часть из состава 121-й стрелковой дивизии. Представился командиру части. Тот возмутился, что военный – и переоделся в гражданскую одежду, не поверил объяснению и приказал расстрелять Львова как немецкого диверсанта.

«Трудно передать мое душевное состояние, когда услышал о смертном приговоре. Умереть от своих, которых я, наконец, догнал, было нелепо и обидно».

К счастью, при допросе присутствовал политрук, который, как и Львов, окончил Ивановское военно-политическое училище. Политрук стал задавать вопросы об училище: кто преподавал? где находились казармы курсантов? Уверенные и точные ответы убедили командира: да, Львов тот, за кого себя выдаёт.

Львова назначают командиром группы разведчиков.

Когда боеприпасы закончились, был отдан приказ: выходить из окружения мелкими группами в таких-то направлениях. У Львова – своя группа, с ней он пошёл на восток.

И тут – случайная встреча с секретарем Минского подпольного обкома партии Козловым Василием Ивановичем. Козлов прояснил окруженцам сложившуюся обстановку и убедил остаться в тылу партизанской группой и поддерживать связь с подпольным обкомом.

Итак, Львов теперь командир партизанской группы. Прежде всего он провёл тщательную разведку местности. Затем стал проводить разъяснительную работу среди населения Любани, Слуцка и Старых Дорог о необходимости распределения среди жителей колхозного и совхозного имущества – ничто не должно оставаться врагу. На местах бывших боёв группа собирала оружие и боеприпасы – создавала базу для предстоящих боевых действий. К октябрю 1941 в группе было 30 человек.

По соседству действовали несколько подобных групп. И первая совместная операция – разгром немецкого гарнизона в Любани в ночь на 7 ноября 1941 года. Первая победа воодушевила бойцов и показала, что сила партизан – в единении, и в декабре 1941 года

группа Львова объединилась с двумя группами в один партизанский отряд. На общем собрании Львова избрали комиссаром отряда.

И пошли боевые будни: засады на дорогах, подрыв мостов, линий связи, разведка в немецко-полицейских гарнизонах.

Отряд разрастался. Из него выделялись инициативные группы, которые становились ядрами для создания новых отрядов. Осенью 1942 года возникает партизанская бригада, теперь Львов комиссар этой бригады...

И вот ему предложили новую должность...

«Автобиография» успокоила командиров и комиссаров отрядов – молодой, да ранний!² Задавали вопросы лишь о том, каким видит новый комбриг дальнейшее развитие бригады. Львов, оказалось, намерен создать штаб бригады, организовать обучение гражданских лиц, ранее не державших в руках оружия, и интенсивную подготовку подрывников...

«Правильно! Пора это делать. Видать, новый комбриг – что надо!» – таков был лейтмотив мнений ветеранов.

ОТРЯД! СТРОИТЬСЯ!

Взводы выстраиваются – каждый у своей землянки. Командир взвода проходит вдоль строя, объявляет: через десять минут общее построение. Куда пойдёт отряд, не говорит, потому что и сам не знает.

«Шагом арш!» – командуют взводные. И бойцы, не в ногу, идут на «круглую поляну» – к месту сбора всего отряда.

Четыре взвода выстраиваются, образуя прямой угол. Перед строем командование отряда – командир, комиссар и начальник штаба.

Пока построение не закончилось, много улыбок. Любой шутке не дают погаснуть, будто уголёк с руки на руку перебрасывают, поддерживают.

Командир отряда Храпко, круглолицый, полноватый, выглядит не по-военному, добродушным.

У комиссара Голодова – суженное книзу, с высокими, будто припухшими, скулами, узкие и твердые глаза, взгляд в упор, резкие движения угловатой фигуры.

---

² Исследователей-орнитологов повергло в шок, когда они получили многократное подтверждение версии, что журавлиную стаю «возглавляет» чуть ли не самый молодой журавль. – **А.Т.**

Начальник штаба Сыроквашин ростом чуть пониже комиссара, и упругость в плечах, в коленях та же – военная; но лицо другое, округлее, мягче; черный мазок усиков подчеркивает ровную бледность щёк; выпуклые глаза – горящие чернотой, вспыхивающие.

Храпко, Голодов, Сыроквашин – не просто командиры, но еще и история отряда – они старые партизаны, еще «сорок первого года». А о Заракушском, Перекальском и Оземлянском боях в отряде «старики» для молодых уже слагают легенды. Чуть в стороне от командования, но также отдельно от взводов, – оперативный уполномоченный Гацкевич, он держит в руках планшет, деловито перебирает бумаги.

Пока командование совещается, с отрядом «беседует» адъютант командира, ещё молодой человек в фетровой шляпе, которая здесь, в лесу, и особенно на его голове, выглядит шутовской. «Беседует» адъютант беззвучно: таращит глаза, гримасничает. Но этого достаточно, чтобы все улыбались...

Храпко добродушно ждет, когда станет тихо.

Перед боем слова командира звучат по-особенному.

Кончил командир, и говорит комиссар. У него голос глуше и резче:

– Мы идём громить фрицев и «бобиков». Партизаны не спрашивают: сколько их, а – где они? Вы знаете где: пока на нашей земле...

– Больные есть? – спрашивает командир отряда. Партизаны улыбаются, они знают, что будет дальше.

– Ну, животик там, головка? – поясняет Храпко, собирая улыбки одобрения с лиц партизан. – Инвалидов – нет?

Бойцам неудобно вот так, публично, жаловаться на свои болячки. Выручает фельдшер Анна Митрофановна Адамович: она высказывает командиру проблемы бойцов. Сами же больные, стоящие в строю, чувствуют себя «маменькими сынками».

«Ну, Анна Митрофановна, зачем же говорить обо мне...»

Садится солнце, взводы уходят с поляны в потемневший лес. Скоро вернуться... Не все.

ОТРЯД – СПУТНИК

Отряд Храпко постоянно рос за счёт местного населения и лиц, перешедших на сторону партизан из полиции и солдат и «добровольцев». Настала пора, когда отряд уже не столько рос, сколько разбухал. Когда количество не переходило в новое качество, а даже ухудшало то, что было.

И разбух отряд настолько, что требовалось много усилий по руководству им и по размещению в пределах базы. Если часть отряда на заданиях, места вроде и хватает. А соберутся вместе – спать негде. Тогда устраивались, где кто сможет – на возах, на сене или под заслонами.³

Командование стало серьезно задумываться над проблемой маневренности и подвижности отряда. Решено: выделить *инициативную группу* для создания нового отряда. И появился вот такой документ.

Приёмо-сдаточный акт

Мы, нижеподписавшиеся, с одной стороны, командир отряда Храпко Н.Б., комиссар Голодов В.Е. и командир 1-й роты Митялин В.П., и с другой стороны командир отряда Щербич В.А., комиссар Линчук М.С., произвели: первый – сдачу, а второй – приём следующего:

1. Личного состава в количестве 36 человек.
2. Вооружение: станковый пулемёт «Максим» – 1, РПД – 1, автоматов – 2, винтовок – 32, пистолетов и наганов – 7.
3. Продбаза: коров – 8 голов, муки ржаной – 150 кг, лошадей – 2, телег – 1.

В чём и составлен настоящий акт.

Сдали... (подписи Храпко, Голодова, Митялина)

Приняли... (подписи Щербича и Линчука)

13 июня 1943 г.

В тот же день выходит первый приказ по новому отряду. Командирами взводов назначены: Платоненко Анатолий Васильевич и Тасминский Иосиф Игнатьевич.

Командирами отделений в новом отряде стали такие парни, как Савелий Тарасов и Иван Макейчик, побывавшие

---

³ *Заслон* – это изгородь из ветвей, хвороста и жердей, поставленная под углом к костру, в трех шагах от него. Тепло костра отражается от заслона и хорошо обогревает во время сна. А если сделать лежанку слегка наклонной в сторону костра, то еще теплее.

во многих переделках (у обоих – в партизанах братья и сестры).

Отряд Щербича своего рода филиал отряда Храпко. Даже живут оба отряда пока вместе – там же, в расположении «родителя». Но в отдельном будане... на весь «отряд». Отдельно ведётся штабная документация. Кухня и санчасть – также отдельно.

Подрывники выполняют задание

Вот такой документ я встретил в архиве, и, без изменений, привожу его:

Описание операции

19 июня 1943 года мною, командиром взвода Перельгиным К.А., было получено приказание подобрать со взвода диверсионную группу для подрыва вражеского эшелона.

Моментально вызвались почти все бойцы. Все горели желанием выполнить поставленную задачу.

Мы выстроились перед штабом отряда. Доложили командиру отряда о готовности выполнить операцию.

Командир отряда перед группой бойцов⁴ объяснил ценность и сложность операции, рассказал, как мы должны вести себя при этом. Пожелав нам лучших успехов, командир отряда пожал нам руки.

Мы тронулись в путь. Каждый горел желанием во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу.

Лес, поляны, деревни менялись одна за одной, мы шли к цели.

После отдыха мы были в среде полицейских гарнизонов, вблизи от жел. дороги. Остановились на дневку в лесу. Связались с проводником. Это был местный крестьянин, патриот своей Родины. Рискую семьей и своей жизнью, он водит группы диверсантов к железной дороге. Проводник объяснил нам путь движения, описал местность подхода к дороге, охрану.

Все ясно сознавали сложность выполнения данной задачи, усиленную охрану, но, несмотря на это, рвались скорее в путь, скорее к делу.

Проводник шёл впереди, исключительно лесом, болотными тропками. Моросил мелкий дождь. Это было нам с руки, т.к. будет меньшая видимость.

---

⁴ Вот состав этой группы: Перельгин Константин Алексеевич (командир группы), Горлатов Михаил Кириллович (зам. ком. группы), Зайчик Александр Николаевич, Муравский Иван Нестерович, Кухта Александр Афанасьевич, Тарасов Аким Васильевич, Рекиш Николай Моисеевич, Мисев Петр Иванович, Сысой Алексей Платонович, Причеснов Василий Фатимович.

Было ещё светло, когда мы были в 1 км от полотна жел. дороги.

Здесь я поставил перед каждым задачу, распределил обязанности.

Не задерживаясь, пошли вперед.

Мы стремились опередить немцев, ещё завидно поставить свои секреты с тем, чтобы видеть их охрану и расстановку секретов, которые они ставят в темноте ночи.

Лес кончился. Впереди видна железная дорога. Нас от неё разделяет 400 метров. Открытое болотистое место, на котором немцы положили срубленные мелкие деревья, чтобы охране был слышен треск сучьев при подходе партизан к полотну жел. дороги. Справа от нас виден жел. дор. мост на расстоянии около километра, слева – жел. дорожная охранная будка около 500 м.

Только начинало темнеть, когда 5 человек, замаскировав себя ветками и травой, медленно и бесшумно по воде стали переползать от кочки к кочке, от срубленного кустика к кусту, остальные встали на секрет, охраняя нас с тыла и флангов.

Становилось всё темнее и темнее. Расстояние постепенно сокращалось.

Поезда не шли. Это нас волновало. Под шум поезда подход можно совершить лучше. Охранники, не замечая нас, быстро по двое ходили по пути взад и вперед. Наконец, мы, мокрые до нитки, подползли на 30–40 метров к полотну. Стали ждать поездов. Перед нами насыпь жел.дор. пути, по которой непрерывно движутся охранники, они почти непрерывно стреляют по всем направлениям. Транссирующие пули иногда пролетают и над нами. Но это нас не волнует: они нас не видят. Да нас и не запугаешь этим.

Проходит час, второй, начинаем сердиться, что не идут поезда. Муравский предлагает снять охранников, которые в этот момент стали против нас и о чем-то разговаривают. Этого я не разрешаю, ибо может сорваться операция, а у нас только одна бесшумка.

В 2 часа послышался шум поезда. Мы приготовились, сердца наши радостно и тревожно забились.

Как назло, охранники в этот момент стоят напротив нас. Хотели их снять и заложить тол, как видим: идут цепью впереди поезда человек 12 немцев.

Зло кипит на них, и поезд близко. С болью в сердце и стиснув зубы, пропустили первый поезд. Следом за ним слышим шум другого. Охрана как раз минует нас. Мы забираемся на полотно. Т.т. Зайчик и Муравский ставят тол, привязывают

шнур к детонатору. Я и Горлатов охраняем их, глаз — на мушке.

Тол заложен. Мы отходим.

Поезд совсем близко.

Т.т. Кухта и Зайчик держат шнур.

Поезд сравнялся с толком. Раздался резкий звук.

В пламени взрыва был резко виден подброшенный вверх паровоз. Затем треск, шум, свист пара разбитого паровоза. II мертвая тишина, которую вскоре нарушает беспорядочная стрельба растерявшейся охраны.

Затем стрельба становится более сосредоточенной, но мы радостные отходим в глубь леса. Задача выполнена. Мы с радостью возвращаемся в отряд.

При выполнении этой операции все бойцы группы проявили должную дисциплину, смелость, выдержанность и решительность. Каждый стремился быть впереди, на полотне.

Каждый прекрасно выполнил поставленную непосредственно ему задачу в момент взрыва эшелона.

Особо отмечаю тт. Зайчика, Кухту, Горлатова, Муравского, Мисева, Сыся и Тарасова, а также проводника Чайкова.

Крушение произведено на 7-м километре от гор. Бобруйска в сторону Минска 25.6.43 года в 2.15.

Эшелон шёл с толкачом на фронт. В результате крушения весь эшелон вместе с паровозом пошёл под откос. Как установлено предварительной разведкой к месту крушения прибыл аварийный поезд, место крушения было оцеплено немцами и никого не допускали к нему на большом расстоянии.

Движение по этому участку пути было прекращено на 48 часов. Двое суток исключительно немцы, не допуская добровольцев, полицейских и русских ремонтных рабочих, восстанавливали путь и подбирали обломки эшелона. После этого крушения ночью поезда стали ходить редко и медленно.

Командир диверсионной группы, командир взвода красного партизанского отряда т. Храпко

(подпись) Перелыгин К.А.⁵

По тональности и стилю текста можно сделать вывод, что «Описание» было выполнено для боевого листка, стенгазеты или газеты «Бобруйский партизан». И не ранее, чем через неделю после возвращения группы с операции по подрыву. Кто-то, конечно, редактировал...

---

⁵ НАРБ, ф.1405,оп.1, д.278, л.9–10.

НЕЗНАНСКИЙ БОЙ

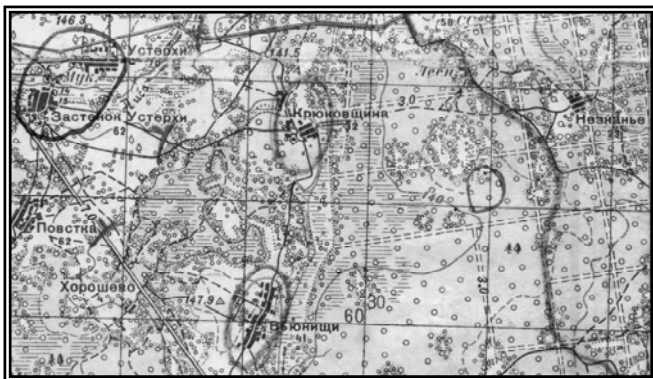
Не хвались, идучи на рать.

Поговорка

В июне 1943 года с ленинградского фронта в Бобруйский санаторий прибыло подразделение эсэсовцев на отдых.

Узнав от местных начальников, что бандиты не дают спокойно жить, гости обвинили этих начальников в бездействии и трусости, и сказали, что могут дать урок борьбы с «бандитами». Провели основательную разведку местности, и при содействии матери одного из полицейав установили местонахождение и порядок размещения лагеря отряда Храпко.

Ранним утром 30 июня около двухсот эсэсовцев с большой группой полицейских под командованием оберлейтенанта – кавалера двух железных крестов – незаметно подошли к расположению отряда.

железных крестов – незаметно подошли к расположению отряда.

Отряд в это время был не в полном составе: часть отряда с комиссаром Голодовым находилась на боевой операции. Да только что, после успешной диверсии на железной дороге, вернулась, измученная двухнедельным переходом, с потертыми и опрелыми ногами, диверсионная группа Перельгина, и почти вся она находилась «в распоряжении» санчасти, что размещалась в Крюковщине.

Противнику удалось бесшумно снять передовые посты отряда, однако у самого лагеря всё-таки часовые подняли стрельбу.

Тревога: *«Немцы! Окружают!.. Занять круговую оборону!»*

Завязался бой. Немцы и полицейав рвались на базу партизан.

Силы были неравны. Уяснив складывающуюся обстановку, командование отряда отправило связных в штаб бригады и в соседние отряды за помощью.

Бой длился весь день с переменным успехом.

В первую очередь стали спасать раненых. Тяжелораненых усадили на лошадей, предварительно привязав к сёдлам. Выздоровливающие и легко раненые потянулись сами... Вышли по болоту к Косаричам, расположились неподалёку. Сделали шалаш в кишачем змеями и ужами месте. Партизаны по одну сторону реки, немцы – по другую.

Но вот боеприпасы у партизан на исходе. И враг это почувствовал, стал более напористо рваться к партизанской базе. С потерей базы партизаны лишились бы продовольствия, жилищ... К тому же, комиссар Голодов, с боевой группой возвращаясь в отряд, мог нарваться на засаду врага...

В общем, обстановка складывалась очень сложная. Выхода, казалось, не было.

И тогда Сыроквашин с группой бойцов пробрался к немцам в тыл, открыл шквальный огонь, и ввёл в бой сразу две танкетки.

Одна из танкеток, как уже упоминалось, впервые появилась на поле боя в июле 1942 года под Устерхами. И только недавно, 21 мая 1943 года, было приказано бывшим танкистам Гузову и Кузнецову восстановить вторую машину.

Напролом, через кустарник, строча из пулемётов, выскочили две машины. Правда, одна возьми и заглохни...

Эсэсовцы орут: «Рус, сдавайся!». А машина – завелась! И залилась пулемётным лаем.

Надо было видеть смятение гитлеровцев! Паника была неописуемая: *у партизан – танки!*

Появление танкеток переломило ход боя: немцы мелкими группами разбежались по лесу... Только на пятые сутки оставшиеся в живых эсэсовцы смогли собраться в Бобруйском санатории. Чтобы как-то оправдать свой провал, немцы распустили слух, что столкнулись с десантом Красной Армии.

Жителям деревни Незнанье, вблизи которой проходили бои, немцы приказали разыскать трупы убитых «героев» – иначе уничтожат всю деревню! И вывезли в Бобруйск 42 гроба с

ушедшими в небытие эсэсовцами. Кстати, «незнание» с белорусского переводится как «небытие». В полном смысле этого слова получили эсэсовцы тогда.

Потери отряда – два человека, Владимир Кожич⁶ и Иван Никитко – те самые часовые, которых немцы сняли. Четверых бойцов, которых немцы схватили, связали и бросили на телегу, обнаружили там же, на телеге, живыми и невредимыми.

О перипетиях незнанского боя комбриг Львов рапортом доложил в штаб соединения, и оттуда через неделю поступило приказание: *одну танкетку с экипажем и вооружением передать в 64-ю бригаду.*

Незнанские события показали, что противник располагает точными координатами базы, и потому командование решило немедленно сменить местонахождение базы отряда.

Отряд перебрался в район деревни Выюнищи.

ВСЕ ВОЗРАСТЫ ОТРЯДА

Александр Адамович писал о возрастах бойцов отряда:

«У нас даже командиры отрядов были в основном двадцатидвух-двадцатитрёхлетние. Во взводах школьники, недавние школьники. Были и бородачи, «деды», но немного, как бы специально для документальных кинолент, фотографий, чтобы не обижать тех, кто именно такими привык представлять «народных мстителей».

Можно даже подсчёт произвести цифровой, процентный. ...Процентов 10 – бывшие окруженцы, они же командиры, штабная публика. Столько же, пожалуй, бывших «добровольцев», «власовцев». Это все наш армейско-кадровый состав, боевой костяк отряда. Окруженцы партизанили с 41-го, «добровольцы» – с весны 42-го. И те, и другие как бы аристократия наша, «старые партизаны». Хотя невидимое разделение между ними всегда существовало: ни одного «власовца» не было в штабе, а если «власовец» командир, то не выше взвода. И вообще грех вольный или невольный не прощался... Это я про командиров говорил. Ну, а следующая по значению и уважению категория партизан – «деды», во взводах боевых и при хозвзводе. Их не больше 3-5 процентов.

Да, не забыть про бывших полицейев, их тоже процентов пять.

В общем, процентов 35 – не мы. Остальные – мы, школьники. Из деревень, из рабочих посёлков, из районных центров, местечек. Были

---

⁶ Анна Адамович: «В этом бою был убит сын Кожич Груни – Володя. Как оплакивала его мать, описать невозможно. И все мы горько и тяжело переносили эту смерть».

и городские, но им сложнее попасть в партизаны, добраться до нас. Там у них водились «молодые гвардии», в Белоруссии – в каждом городишке, а в больших городах – почти на каждой улице. Так что и вся республика белорусов в войну – крестовый поход детей».

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

Фронт подходил к Бобруйску и Глускому району. Отряды постепенно сдвигались на запад, и в опережение этому процессу там, на западе, формировались новые отряды – из «инициативных групп» уже действующих отрядов в восточных районах Беларуси.

Из штаба соединения пришла «разнарядка». Для выполнения «правительственного задания» бригаде Львова надлежало «...выделить 30 человек из числа военнослужащих, хорошо вооружить каждого и в придачу дать два пулемёта и направить их в такую-то деревню». Старшим команды был назначен политрук Владимир Дорогавцев – он сам настаивал на этом.

Комиссар Голодов подошёл к Дорогавцеву, товарищу по подполью и партизанской борьбе, – вместе воевали около двух лет.

– Вот видишь, Владимир, *что* получается: бьёт немцев Красная Армия! Бьёт их наш полуголодный, плохо одетый и вооруженный, и даже менее грамотный, солдат. А ведь немцам надо отдать должное – они профессиональнее наших солдат и офицеров – они разбили Польшу за неделю, Францию – за полтора месяца!

– Будем честны, Василий, и нашу армию били они в 41-м, в 42-м – в Крыму, под Харьковом. Столько котлов наделали! Под Белостоком! Под Новогрудком! Под Харьковом! Какой-то ад – с котлами! Наверное, сколько кругов (кажись, девять?) в аду, столько и котлов они нам понаделали. А сколько в плен взяли они наших?! Порой, не сделавших ни единого выстрела...

– Но мы побеждаем! – глаза Голодова горели. – Смотри, какой котёл под Сталинградом наши устроили – всем котлам котёл!.. А почему побеждаем? Да потому, что весь народ поднялся на борьбу.

– Но заметь, Василий: не весь народ поднялся. Смотри, сколько выжидало! Это сейчас, после разгрома немцев под Сталинградом и Курском, к нам пошли валом люди. А до этого – жиденькая струйка. Правда, цены той «струйке» нет. Не зря же

мы ценим – «партизан 41-го!» Как некогда, помнишь, говорили: «В партии состоял – до 1917 года», ибо потом валом валили.

– Владимир, что бы ты хотел мне сказать на прощание? Я чувствую, ты что-то носишь в себе. И то, что ты сам напросился идти на запад, я думаю, не просто только желание. Наверное, у тебя есть претензии ко мне. Выскажись. Ведь мы с тобой прошли через огонь и медные трубы – окружение, подполье, и вот, партизаны.

– Спасибо, Василий. Качество, за которое я тебя уважаю: ты не только требователен к другим, но и к себе. Знаю я тебя как отважного подпольщика, как умного и смелого комиссара. Вот-вот и командиром отряда будешь – ходят слухи. У тебя авторитет в отряде очень высок. Но...

Здесь Дорогавцев замялся.

– Ну-ну, говори, Володя! Так что тебе во мне не нравится?

– Последнее время ты стал грубоват. А при решении чисто военных вопросов проявляешь горячку – ни с кем не советуешься. Даже совет отряда не собираешь. Возможно, ты задёргался, устал... Да и как тут не устанешь, когда чуть ли не ежедневно бои, бои.

– Критику принимаю. Но не всю. Дело в том, что наш отряд сильно разросся, воюем мы на все стороны, и приходится принимать решения экспромтом. Но у меня уже опыт есть, есть интуиция.

– Ладно, опыт и интуиция тебе помогают. Но так может быть не всегда. А если возникнет нестандартная ситуация – и твои «опыт и интуиция» ничего не подскажут?

– Вот тогда и соберу совет отряда. Посоветуюсь.

– И ещё, Василий. Разве не замечаешь, что своим «командирским» поведением ты посеял семена страха, раздора и недоверия в отряде? В Перекалье была расстреляна Мария Полищук – связанная и партизанка – лишь за то, что «якобы» хотела утаить медикаменты, полученные от Анны Адамович. В Затишье расстрелян Вадим Мелевич, который бросил гранату в Птичь – наловить рыбы для уха. В деревне Малын были задержаны два грузина, которые хотели стать партизанами, но тебе показалось, что они шпионы – и их расстреляли, без суда и следствия. Я не хочу свалить всё это именно на тебя. Было и обратное: ты отстаивал людей перед командиром отряда и комбригом. Но ты же – комиссар! Душа человека – твоя главная забота...

– Эх, Владимир! Побыл бы ты в моей шкуре, когда на тебя заякорены судьбы более четырёх сотен человек. Ну, не должен я допускать проявления анархии, разгильдяйства, а то и просто предательства. У войны свои законы. Сегодня я прощу одному, завтра получу десятки проступков. А ведь даже один человек может погубить весь отряд. Нет, должна быть железная дисциплина. И очень жаль, что ты этого не понимаешь. Но думаю, поймёшь, когда на тебе повиснет отряд.⁷

– Да, возможно, я чего-то не понимаю. Привык всё делать по-рабочему, по-шахтёрски: просто и понятно...

На прощание боевые друзья крепко обнялись. Даже слишком крепко. Ибо чувствовали: расстанутся навсегда. Голодов спустя четыре месяца погибнет. А Дорогавцев и шестьдесят лет спустя, вспоминая своего боевого друга не может удержаться от слёз.

КОМАНДИР ОТРЯДА – ГОЛОВОВ!

Когда Львову в июле 1943 г. понадобился новый начальник штаба бригады, у него сомнений не было, кого назначить. Сыроквашина, начальника штаба отряда Храпко. Сергей Васильевич не только умел толково планировать операции, но и в изменившейся ситуации боя вдруг находил неожиданное, впоследствии определяемое как единственно верное, решение. Надо было – и Сыроквашин, не колеблясь, брал руководство боем на себя.

А через месяц и самого Храпко Львов призвал к себе – на должность комиссара бригады. Комбриг заметил недюжинный организаторский и ораторский талант этого человека, и решил использовать его на благо всей бригады.

Кто должен стать командиром отряда, занять место Храпко? Ни у комбрига, ни у политруков, ни у рядовых бойцов сомнений не было – Голодов!

---

⁷ Дорогавцев стал начальником штаба нового отряда – им. М.Ф. Сильницкого. Бывший шахтёр, имевший за спиной два курса вуза, скоро убедится, что для этой должности у него не хватает должного военного образования и попросит направить политруком в партизанскую роту.

Итак, с 11-го августа 1943 года Николай Борисович Храпко стал комиссаром бригады, и в отряде новый командир – Голодов Василий Емельянович.

Автобиография

Я, Голодов Василий Емельянович, родился в 1915 году в семье крестьянина-бедняка Саратовской области Красно-Кутского района, село Красный Кут. Отец до революции и после занимался крестьянством и умер в 1921 г. Я начал учиться с 1924 г. и окончил семилетку в 1931 г.

С 1931 по 1936 гг. работал продавцом в кооперативе, счетоводом в совхозе, учётчиком и бригадиром на плантации подсобного хозяйства, заведующим реализационной базы.

В октябре 1936 года призван на действительную военную службу в РККА. Окончил полковую школу при 158 с.п в с. Красный Кут и курсы младших политруков в г. Куйбышеве.

С апреля 1939 г. политрук роты в 140 с.п. 117 с.д. в г. Куйбышеве.

В 1939 г. вступил в члены ВКП(б).

С декабря 1939 г. по 12 марта 1940 г. участвовал в боях против белофиннов в должности комиссара особого лыжного эскадрона.

С апреля 1940 г. по февраль 1941 г. работал преподавателем по подготовке среднего состава запаса РККА Саратовских курсов.

В феврале 1941 г. назначен политруком пулемётной роты в 223 с.п. 53 с.д. в г. Ртищево.

8 июля 1941 г. в районе Шклова на Днепре вступил в первый бой с немецко-фашистскими захватчиками. После приказа отойти, я некоторое время действовал в составе группы бойцов в районе д. Старина – ст. Темный Лес, после чего в августе 1941 года прибыл в г. Бобруйск. С сентября 1941 г. по 1-е января 1942 г. принимал участие в подпольно-партизанской организации в гор. Бобруйске.

С января 1942 года – в партизанском отряде Храпко в должности комиссара отряда.

Репрессированных и осужденных органами сов. власти из родственников не имею, сам не судился, в плену не был.⁸

РАНЕН СЫРОКВАШИН

После пулевого ранения из пистолета (ранил свой же боец то ли по неосторожности, то ли будучи в перевозбужденном состоянии – разное я слышал от ветеранов-партизан) лежал в санчасти начальник штаба бригады Сыроквашин. Потерял много крови. Плюс «начальная форма туберкулеза». Кашлял с кровавистым выделением.

⁸ НАРБ, фонд 3500, оп.8, л.53, л.185. Здесь автобиография приводится с небольшим редактированием.

Комбриг решил отправить Сыроквашина за линию фронта на лечение. Спросили Сергея Васильевича, кого бы он хотел взять из медработников отряда в сопровождающие. Тот ответил, не задумываясь: «Анну Митрофановну Адамович!»

И вот Сыроквашин и Анна Митрофановна прибыли в деревню, что рядом с партизанским аэродромом, ждут со дня на день прибытия самолета. К больному прикрепили дойную корову, обеспечили нужными продуктами, еду готовили разнообразную и свежую. Но аппетит у больного отсутствовал, появилась апатия к жизни – по-видимому, потому, что знал свой диагноз (от туберкулёза тогда многие погибали).

Анна Михайловна, подозревая, что Сыроквашин думает о самоубийстве, перепрятала пистолет, который он держал под подушкой. К счастью, ей удалось внушить Сергею Васильевичу, что излечение произойдёт – только надо помогать врачам – есть всё, что дают и когда дают.

В совокупности внушение, должный уход, свежий воздух вскоре привели к улучшению в состоянии здоровья. У больного стал появляться интерес к жизни.

Врач считал излечение Сыроквашина своей заслугой, но Сыроквашин простодушно заметил:

– Дорогой ты мой, спасибо и тебе! Но всё же главное сделала Анна Митрофановна – своим материнским уходом за мной.

Так, не дождавшись самолета, излечили партизанские медики своего начальника штаба бригады.

И всё же Сыроквашин тогда не вернулся в бригаду. Его по указанию штаба Минского соединения отправили в распоряжение Белорусского штаба партизанского движения: там нужда была в людях, знавших хорошо местные условия.

СМЕРТЬ ПРЕДАТЕЛЯМ!

В начале июля партизанская застава у Крюковщины задержала подозрительную женщину лет тридцати. Случайно рядом оказался Виноградов. Обращаясь к задержанной, бригадный чекист спросил:

– Кто вы?

– Я меняю вещи на хлеб: нечем детей кормить.

– Какими документами располагаете?

– Ну какие у меня могут быть документы? Немецких – ни-

каких, да и советского паспорта нет: до войны я жила в деревне – а нам, деревенским, сами знаете, паспорта советская власть не давала.

– Откуда вы пришли?

– Из Бобруйска.

– Как же вы без документа решились идти в такую даль?

– Детей как-то кормить надо!

Казалось, объяснение женщины соответствовало реалиям времени, и можно было её отпустить. Но интуиция подсказала контрразведчику: она неспроста здесь, в партизанской зоне, а тем более вблизи лагеря отряда.

– Обыскать задержанную! – приказал Виноградов Марии Масюк.

При обыске был найден пропуск на имя Веры Шмаковой, подписанный комендантом Бобруйского немецкого гарнизона и записка, в которой была расписана дислокация партизанских отрядов Храпко и Шваякова, их численный состав и вооружение.

– Ну, а теперь что скажешь? – строго проговорил Виноградов.

Из показаний Шмаковой:

«Год тому назад во время облавы я была схвачена жандармами и доставлена в гестапо, и там под угрозой оружия дала согласие сотрудничать с немцами. Меня направили в школу по подготовке диверсантов. Когда окончила, начальник карательно-разведывательной службы оберлейтенант Долерд дал мне пропуск, пароль и направил в Глуский район разыскать в деревне Крюковщина неких Засухиных и получить от них сведения, где находятся партизанские отряды Храпко и Шваякова. Я разыскала отца и мать партизана и установила связь через них с их сыном Сергеем...»

– Вы получали сведения лично от Сергея?

– Нет. Только от его родных.

– Сколько раз получали от них сведения?

– Два раза. А третий, вот – не удалось.

– Что предпринимали немцы по доставленным вами сведениям?

– Высылались карательные экспедиции, первая – в августе 42-го года, вторая – в январе 43-го.

Виноградов послал двух партизан в Крюковщину: привести под конвоем отца и мать Сергея Засухина.

– Вы эту женщину, случайно, не знаете?

– Нет, не знаю, – ответил отец, – но... кажется, она заходила к нам, чтобы поменять вещи на хлеб.

– А вместо хлеба вы дали ей вот эту записку...

– Никакой записки мы не давали.

Вскоре Засухины, прижатые к стенке встречными показаниями шпионки, во всём сознались, и все трое были под конвоем отправлены в лагерь отряда.

Виноградов вскочил в седло, помчался в штаб отряда и там доложил Голодову о шпионах. Братья Сергей и Аркадий Засухины были тут же арестованы.

Сергей Засухин сначала категорически отрицал свою причастность к шпионажу. Но когда Виноградов предъявил ему записку, Сергей побледнел, на лбу появилась испарина.

...А было так. В июне 1942 бойца Сергея Засухина⁹ командир отправил в Брожу произвести разведку, а заодно вывести из посёлка своих родителей – над ними нависла реальная угроза расправы за то, что оба сына в партизанах.

Уже на закате солнца Сергей с трепетом в сердце подошёл к околице посёлка и залёг в кустах, ожидая полной темноты...

С неба на землю опустилась тьма, и Сергей, соблюдая предосторожность, вылез из кустов, и переулками и задворками пробрался к родному дому. Постучал в окно.

С минуту никто не отвечал.

Наконец из темноты встревоженный женский голос спросил: «Кто?»

– Откройте, мама, это я – Сергей!

– Сережа, беги! – закричала неожиданно мать.

«Засада!» Сергей бросился от дома, но не успел пробежать и пяти шагов, как был сбит с ног, на него набросились двое верзил-немцев. Пытался отбиться, но, получив сильный удар по голове, упал.

Со связанными руками Сергея Засухина повели в комендатуру. За ним вели отца и мать.

В комнате, куда привели Засухиных, ярко светила керосиновая лампа. В дверях стояли два здоровенных солдата и начальник полиции Шах. Из-за стола в упор на Сергея смотрели комендант обер-

---

⁹ Настоящую фамилию предателя ветераны-партизаны просили меня в книге не приводить. И вот по каким соображениям: Братья «Засухины» были «партизанами 41-го года», воевали отважно, но война часто ставила человека в довольно сложные ситуации... – **А.Т.**

лейтенант Иоганн Шольц (это он застрелил Михаила Болбаса в Броже осенью 1941 года) и обер-лейтенант СС Ганс Долерд.

– Господин, комендант! Перед вами бандит Сергей Засухин, – доложил Шах.

– О, партизан! Гут! – воскликнул Долерд.

Офицеры подошли поближе.

Шольц, ехидно улыбаясь, съязвил:

– Надеюсь, всё говорить будешь?

По подбородку Сергея из разбитой губы стекала струйка крови.

Молчание партизана раздражало Долерда, и он ударил парня кулаком в подбородок.

Сергей покачнулся и, словно поддомленный в коленях, осел на пол. Мать с плачем бросилась к сыну.

Солдаты отшвырнули женщину.

Когда Сергей поднялся, Долерд заорал:

– Аллес партизанен капут! Ферштейн? (Всем партизанам конец! Понятно?) Рассказывай, где есть партизаны? Сколько их?

От слабости у Сергея кружилась голова.

– Ну, я жду, – сказал комендант. – Если ты будешь молчать, то увидешь мертвыми отец и мать. Но они не сразу умереть. Мы будем пытать их здесь, на твоих глазах. Потом в пытках умереть и ты. Даю три минуты...

И комендант уставился на часы.

Сердце Сергея сжимал страх. Пыток он боялся страшнее смерти. «Нет, нет, я должен жить. Как так, что бы я – и умер!»

– Что вы хотите от меня?

– Где есть лагерь отряда?

И Сергей рассказал всё, что знал: о численности, о вооружении, имена командиров. В присутствии отца и матери он дал подписку: «*Обязуюсь сообщать в немецкую комендатуру о партизанах...*»

В ту же ночь вся семья Засухиных покинула поселок, а утром прибыла в Крюковщину, где Сергей устроил родных на жительство. А сам поспешил в отряд.

Сергей Засухин:

– Признаюсь, я предал своих товарищей. В июне 42-го я был схвачен немцами в Броже. Боясь пыток, я дал согласие сотрудничать с ними... О замыслах партизан и где они размещаются, я сообщал немцам через их агентов, своих родных и лично сам... В декабре 42-го я предупредил о предстоящем нападении отряда на брожский гарнизон. Случай, происшедший со мной, я расцениваю как большую беду, причиненную отряду, но, несмотря на все это, я прошу командование не применять

репрессий к моим родным, а мне дать возможность искупить свою вину в бою. И еще я хочу заявить, что жители Крюковщины Николай К. и Иван Х. являются немецкими агентами...

– Откуда тебе это известно?

– Они были моими связными.

Виноградов немедленно послал оперативника Семена Гацкевича с двумя бойцами партизан арестовать преступников и доставить их в лагерь.

Николай К. и Иван Х. клялись, что ничего общего с немцами не имеют. На очной ставке с Сергеем Засухиным стали давать признательные показания.

...В мирное время К. работал заведующим магазином, проворовался и был осужден. В начале войны был освобожден, потом призван в армию и направлен на фронт. В первом же бою добровольно сдался в плен. Дал немцам подписку: *«Обязуюсь выполнять все задания немецких властей...»*. Получив от них «аусвайс», прибыл домой, в Крюковщину, стал старостой. Но вскоре, из боязни мести партизан, отказался от этой должности. Проходили дни, месяцы. Думал, что немцы забыли его. Но однажды

из Глушка нагрянули каратели. У К. остановился офицер СС Шульце, и при первой же беседе «гость» напомнил ему о подписке и потребовал наладить связь с партизаном Сергеем Засухиным из отряда Храпко.

К. сделал даже больше. Он завербовал служить немцам малодушного и боязливого Ивана Х.

Итак, «троица» – Сергей Засухин, Николай К. и Иван Х. – собирала сведения о партизанах и тех, кто активно помогал им, и передавали их врагу.

Семья Засухиных (отец, мать и два сына), К. и Х. – всего шесть человек – были расстреляны перед строем отряда.

Многие из тех, кто знал семью Засухиных, К. и Х., не могли принять смертный приговор. В отряде и в Крюковщине ещё долго роптали.¹⁰

Да, у предателей такое же человеческое, а порой и ангельское, лицо. Засухины были партизанами 41-го года. Отважно сражались. Их любили. И всё же — они предали. Какова же она, психология предательства?

«Любой акт предательства есть акт слабости. Предатель ослабляет то, частью чего он был. Одновременно он ослабляет себя, отделяясь от целого, а равновеликой частью другого целого он стать уже не может, ибо явил свое качество — возможность по собственному усмотрению отделяться от целого. Он неполноценен, ущербен...»

...Причём — здесь принципиален сам момент ухода от единства, перехода его границы вовне. Если ты пришел к врагу из леса — твое дело. Если от нас — ты хуже врага, просим к стенке. Дезертирство — это «пол-предательства», вторая половина — приход к врагу — превращает первую половину в предательство».¹¹

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ЛЕОНИДА ВИНОГРАДОВА

После ликвидации изменников Виноградов отправился для встречи с нужными ему людьми.

28 июля 1943 года. Светило ослепительное и жаркое солнце. Леонид Виноградов с Евгением Леоновым шли, обливаясь потом и страдая от жажды. Шли они в деревню Фортуны, чтобы от руководителя подпольной группы Валентины Замбрицкой получить сведения о противнике, передаваемые из глуского гарнизона партизанскими разведчиками во стане врага — полицейскими Александром Кремневым и Алексеем Лопатыным.

Деревня Макаровка. Решили зайти, напиться холодной воды из колодца, немного отдохнуть. Но как раз в Макаровке оказались немцы с полицаями из глушанского гарнизона. Они успели раньше заметить партизан.

---

¹⁰ И через 60 лет два ветерана-партизана, не стовариваясь, мне сказали приблизительно одно и то же: «Тот расстрел мы не можем забыть. Многие в отряде, а также жители Крюковщины, считали, что погибли ни в чем не повинные люди. Вичили в этом одни командиры отряда, другие — комиссара...» — **А. Т.**

¹¹ Веллер М. Всё о жизни. Санкт-Петербург, 2004, с.484.

До деревни было еще метров двести, как вдруг Виноградов заметил силуэты немцев – они возникали и пропадали за хатами. «Но, быть может, они нас не заметили?»

– В окоп! – Виноградов прыгнул в старый окоп, оказавшийся рядом. Леонов – за ним.

– Без команды огня не открывать! – крикнул Виноградов.

Впрыгнули в окоп во время, ибо тут же по брустверу окопа защелкали пули.

«Заметили! А коль так, то здесь, в окопе, для нас западня, и потому надо быстрее уходить отсюда».

А пули все свистят над головой. Выбрав момент секундного затишья, Виноградов выглянул из окопа и увидел приближающуюся цепь.

Два солдата, один с рогаткой-пулемётом, вырвались из цепи и устремились к окопу. Виноградов и Леонов открыли по ним огонь. Оба солдата ткнулись головой вниз и застыли в этом положении. Вся цепь залегла и открыла ответный огонь.

Но вот лейтенант, который командовал подразделением, приказал прекратить стрельбу. Когда установилась тишина, лейтенант крикнул:

– Рус, сдавайся!

В ответ услышал очередь из автомата.

Немцы и полицаи бросились в атаку.

Виноградов и Леонов слали в атакующих очередь за очередью – и вторая попытка взять живыми партизан окончилась неудачей.

И только когда со стороны партизан не последовало ни единого выстрела, немцы прекратили стрельбу...

